

Грамматика онтологического обращения в русском философском и поэтическом дискурсе

Н.М. Азарова
МОСКВА

Об особой роли местоимений в поэтическом тексте написано значительное количество работ (Г.О.Винокур, Ю.И.Левин, Я.И.Гин, Б.А.Успенский, И.И.Ковтунова); местоимения чрезвычайно важны и для философского текста, их роль не менее важна, чем роль существительных, а по отношению к языку художественной литературы вне ситуации прямого диалога частотность и семантическая нагруженность местоимений в философском тексте значительно выше.

Местоимения концептуализируются философским текстом, в том числе и потому, что «местоимения... слова с референциальной семантикой, поскольку в их значении заключена идея соотнесения речи с внешним миром» [Кронгауз 2005, 277]; философский текст концептуализирует референциальную функцию местоимений и их семантику.

Прежде всего, в связи с темой несклоняемости местоимений и их концептуализаций возникает проблема «я». Однако философское или поэтическое «я» как понятие или, вообще, «я» как понятие уже не раз описано в лингвистической литературе*: «я может обозначать саму личность как определенный набор свойств в отрыве от его носителя... *“потребность как-то утвердить свое я, свою личность (газ.)”*» [Грамматика 1980, 532]. Отметим лишь ряд особенностей «я», характерных именно для философского текста.

Для «я» как понятия характерно третье лицо – «я приходит к ты», а не «я прихожу к ты»: *«границы эмпирического я разрываются Богом, я приходит к ты через Бога. Но это известно было и до Гуссерля»* [Друскин 2004, 318].

Отношение к «ты» и «я» как к понятиям подчеркивается формой глагола и во множественном числе: *«В этой реализации и ты и я становятся личностями... Если я вижу в ты боль его бытия»* [Друскин 2004, 324].

* См. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., Наука, 1985. С. 93 и далее.

Несклоняемое «я» как понятие или как совмещение понятия с реальным «я» говорящего может появляться в философском тексте и без кавычек: *«предвзятые учения между я и миром»* [Шпет 1994, 61]. В тексте Шпета различное оформление «я» соотносится с различными авторскими философскими терминами. Это может быть «я» со строчной буквы и без кавычек (*«сознание, принадлежащее только я»*) [Шпет 1994, 85], «Я» с прописной без кавычек (*«так и об Я, как объекте, можно говорить не только в буквальном смысле»*) [Шпет 1994, 97]) или «я» со строчной буквы в кавычках и «Я» с прописной буквы в кавычках (*«с фихтевским пустопорожним «Я»? И что важнее всего, тем самым «я» Лосского»*) [Шпет 1994, 61]).

Г.О.Винокур, рассматривая проблематику «я» и «ты» в поэтическом тексте (в лирике Баратынского), также трактует «я» и «ты» как понятия: *«круг языковых средств, связанных с понятиями “я” и “ты”»* [Винокур 1990, 244].

Отдельная тема, отличная от несклоняемости «я», это несклоняемость «ты». Представляется важным рассмотреть особенности концептуализации «ты» в поэтическом и философском тексте, в частности в связи с проблемой несклоняемости. Несклоняемостью описываемые явления можно назвать достаточно условно, так как, как будет видно из примеров, термин «несклоняемость» объединяет и явление нейтрализации падежа, безусловно связанного с субстантивацией, и явление падежного синкретизма.

Отношения «я» и «ты» при концептуализации местоимений как понятий: моё «я», моё «ты» или моё «Ты» – несимметричны. «Ты», в отличие от «я», никогда не становится до конца понятием, всегда сохраняет семантизированную прагматику живого отношения. Несмотря на то, что в позиции моё «ты», «моё» является семантическим субъектом, а «ты» – объектом, даже в этой оппозиции за прямыми субъектно-объектными отношениями просматриваются горизонтальные отношения пространственной обращенности к «ты», к адресату.

«Мое Ты воздействует на меня, как и я воздействую на него» [Бубер 1995, 24].

При семантизации «ты» как понятия не происходит полной утраты или даже может актуализироваться ситуация обращения. «Ты» в отличие от «я» всегда соотносится с коммуникацией, пусть и концептуализированной. *«Момент обращенности речи – сам по себе формальный, внешний, почти технический – становится фактором, определяющим смысл и даже ценность поэтического произведения»* [Гин 1996, 95]. Но и в ряде философских текстов концептуализация «ты» актуализирует ситуацию обращения. Так, в философских текстах можно найти даже рассуждения об обращенности религиозно-философского текста, содержащие местоименные несклоняемые формы: *«Соборность достаточное, но не необходимое условие для того, чтобы писать для ты. Мне очень не хватает соборности, но мне кажется, что мои вещи написаны для ты»* [Друскин 2004, 356].

Необходимость сопряжения, соотнесения формы «ты» со второй, а не с третьей формой глагола, декларируется самим философским текстом: *«то, что мы зовем “я”... неосуществимо без... связи с тем, что зовется “ты”, – с соотносительно иной формой “еси” (“Bist-Form”»*) [Франк 1990, 335]. Однако тот же философский текст в своем конкретном развертывании формы «ты»

все-таки соотносит «ты» и с третьим лицом, т.е. как понятие: «К этому присоединяется еще то, что “ты” означает нечто совсем иное и гораздо большее, чем “чужое сознание”» [Франк 1990, 350]. Франк декларирует, что истинное «ты» всегда коммуникативно, т.е. не может превращаться в объект, даже если согласуется с третьим лицом. Хотя в следующем высказывании философ говорит о «ты» как о понятии, он сначала утверждает, что «“ты” не есть предмет познания», а потом оговаривается: «Оно “дает нам знать о себе”»: «“ты” не есть предмет познания – ни отвлеченного познания в понятиях... Оно “дает нам знать о себе”, затрагивая нас, “проникая” в нас, вступая в общение с нами» [Франк 1990, 352].

Именно тема «ты» важна для поэтических и философских текстов, так как они тяготеют как к использованию специального варианта 2-го лица «Ты» («Ты» Бога): «Сейчас моей души открылось, опустошено, и там Ты» [Друскин 2004, 317], – так и к созданию особого металица «ты+Ты», «ты восходящее к Ты» или «Ты инкорпорирующее ты»^{*}.

У Мартина Бубера не только «Ты-Бог», но и любое «Ты» пишется с большой буквы, но это оправдано тем, что он в любом «Ты» видит «Ты-Бог».

В религиозно-философской словесности любые конструкции с «Ты» («Ты» Бога) осмысляются как некая коммуникативная ситуация с всегда присутствующим адресатом, что находит объяснение в мысли Франка: «Говорить о Боге в третьем лице... собственно кощунство: ибо это предполагает, что Бог отсутствует, не слышит меня, не обращен на меня, а есть нечто предметно существующее» [Франк 1990, 468]. Эти конструкции, несмотря на формальный падеж, должны содержать обращение к «Ты» и тяготеют к номинативности: «есть два пути: 1. Религиозно экзистенциальный – в вере и... отношении к ты (деятельная любовь) и к себе самому (покаяние и молитва)» [Друскин 2004, 326].

В поэтической речи концептуализация «ты» может носить не столь явный характер:

*«если нет его там, то скажи ради Бога, зачем
моё имя, как ты, мелколосьем петляя, рисует случайный,
Небыстрый и мутный ручей»*

[Аронзон 2006, 64].

В стихотворении Леонида Аронзона, на первый взгляд, «ты» – это именительный, подразумевающий конструкцию «ты рисуешь», что поддержано дальнейшим контекстом, где уже эксплицировано «ты высохшей веткой рисуешь», однако благодаря общему семантическому полю, в которое попадает это «ты» («из осеннего неба построен высокий и светлый собор» – эти строчки предшествуют процитированным), и благодаря трансформированному синтаксису конструкция «как ты» в предложении «моё имя, как ты, мелколосьем

^{*} Вопрос рассмотрен подробно в статье «“Ты + ты” в поэзии 60-х (Л.Аронзон, Г.Сапгир)» // Сборник памяти В.П. Григорьева. Изд-во ИРЯ РАН (в печати).

петля, рисует случайный, // Небыстрый и мутный ручей» может восприниматься и как изолированная номинативная конструкция, и в таком случае «ты» однозначно содержит семантику «Ты» и потенциально не склоняется.

Можно выделить целый ряд слов: «встреча», «откровение», «отношение», «любовь», – семантика которых подчеркивает в несклоняемом «ты» обращенность, адресацию или предполагает в сочетании с несклоняемым «ты» присутствие «Ты» в «ты»: «Откровение “ты”» [Франк 1990, 347]; «Я могу относиться к ты... враждебно, или брезгливо, или равнодушно, или благожелательно и душевно: жалеть его»; «любви к ты» [Друскин 2004, 325, 327]; «Встреча с “Ты”» [Мотрошилова 2006, 315].

Обратим внимание на то, что хотя в ряде случаев «ты» или «Ты» берется в кавычки и таким образом явно маркируется как философское понятие, тем не менее ситуация адресации имплицитивно присутствует.

Именительный падеж особенно выразительно звучит в сочетании с глаголами «быть» и «становиться»: «Он не стал для меня ты, был он» [Друскин 2004, 440]; «Ноуменальное отношение: другой становится ты» [Друскин 2000, 682]; «бесконечно становится Оно, но также бесконечно становится снова Ты» [Бубер 1995, 23]. Или в поэтическом тексте:

*«О ты,
моя душа, к которой обращенье...
...
Когда душа, я буду только ты,
Летая над высокой ночью,
Довольно будет пустоты?
Боюсь, не стала бы короче!»*

[Аронзон 2006, 152]

«Когда душа, я буду только ты» – это типичная философская конструкция по типу буберовской или друскинской, явный вариант с несклоняемым «ты», которую, однако, нельзя считать аномальной. Грамматически правильной было бы сказать «моя душа я буду тобой», но в философском тексте конструкция «я буду только ты» – нормативна. Этот пример уже однозначно трактуется как несклоняемое «ты», возможно содержащее «Ты» и актуализирующее в несклоняемой форме ситуацию обращения, что эксплицируется в первых строчках: «О ты, // моя душа, к которой обращенье».

У ряда поэтов встречается местоимение «ты» как чистое понятие, что подразумевает прямое влияние философских текстов:

*«Ты становится вы,
вы все,
они»*

[Седакова 2001, 143].

Форма «ты становится» третьего лица, а не «ты становишься» говорит о том, что «ты» не просто превращается в «вы», как декларируется Ольгой Седаковой, но для самого поэта одно понятие, «ты», превращается в другие –

«вы», «они»: «ты» помещается в начало высказывания и почти полностью нейтрализует ситуацию обращения.

Необходимо уточнить, что нейтрализация падежа у местоимения «ты» находит поддержку и в узуальных формах (обращаться на ты, перейти на ты). Попутно можно отметить, что исторически форма «вы» употреблялась в значении дательного падежа: «В Новг. лет. – “а даю **вы** сынъ свои”» [Буслаев 2006, 202]. Некоторые поэты (например, Мария Степанова) используют эту форму в целях стилизации. Однако эти формы отличны с точки зрения механизма и с точки зрения семантики от описываемого явления.

Интересно, что в философском тексте даже устойчивый фразеологический оборот «перейти на ты» может концептуализироваться как ситуация экзистенциального общения-обращения: «по словам самого Бланио, Левинас был единственным, с кем за всю свою жизнь он перешел на “ты”» [Бадью 2006, 127]. Общепринятое употребление несклоняемого «ты», переосмысляясь философски, дефразеологизируется и, в этом случае несклоняемое «ты» также можно считать совмещающим семантику адресата и семантику понятия: «ему не обойтись без обращения на “ты” и без признания “мы”» [Шпет 1994, 105].

Особенно легко местоимения концептуализируются в заглавиях философских и поэтических текстов. Генрих Сапгир явно был знаком если не с текстом Бубера, но хотя бы с названием «Я и Ты». Ряд стихотворений поэта называются конструкциями, содержащими несклоняемые личные местоимения:

- «1. НЕСВОБОДА Я»;
- «2. НЕСВОБОДА МЫ»;
- «3. НЕСВОБОДА ТЫ»

[Сапгир 1999, 99, 100, 102].

Подобные примеры можно трактовать двояко: как дискретную номинативную конструкцию (аналогично вывеске, рекламе) и как нейтрализацию родительного падежа. Последняя трактовка кажется более оправданной, так как она поддержана философскими контекстами: «Философия Мы» [Мотрошилова 2006, 314]. Местоименный посессив выражается именительным падежом не только в заглавиях, но и в самих философских текстах: «Царство Ты», «надо мною простирается небо Ты», «Настоящее возникает только через длящееся присутствие Ты» [Бубер 1995, 17, 20, 22].

У Бубера «Ты» также входит в более сложный термин: «в некий кульминационный момент речь-Ты прекращается» [Бубер 1995, 62]. Характерно, что легкость употребления несклоняемых форм в переводном тексте (у Бубера) первоначально выше. Проблема как бы решена в немецком языке и транслируется в русский: «носится присутствие Ты» [Бубер 1995, 43].

Для поэтических текстов Геннадия Айги характерны особые равноположенные построения из двух номинативов («ТЫ-ДЕНЬ» [Айги 1982, 299]), которые не вполне узуальны, так как «день» здесь не является приложением «ты», а «ты» не является приложением «день». Конструкции с равноположенными словами могут развивать и номинативно-генитивный синкретизм: «что назову я Пребыванье-Ты» [Айги 2006, 83] («Пребыванье» нельзя считать предикатом «Ты», тем более, что «Ты» здесь реализует семантику «ты+Ты»).

Таким образом, в посессивах несклоняемых местоимений для философских и поэтических текстов правильней усматривать некий номинативно-генитивный синкретизм. Номинативно-генитивные синкретические конструкции являются нормативными для философского текста: *«Это и есть ноуминальная реализация ты, то есть преодоление солипсизма»* [Друскин 2004, 324].

Несклоняемое «ты» легко включается и в конструкцию с синкретическим именительным и винительным: *«Если я вижу в ты боль его бытия»* [Друскин 2004, 324]. Эта конструкция чрезвычайно продуктивна в тех случаях, когда преследуется цель избежать превращения «ты» в прямой объект. Можно предположить, что такая конструкция развивает семантику взаимности: *«Любовь есть ответственность Я за Ты»* [Бубер 1995, 23].

Значение одушевленности, а также семантика лица, личности не снимается в местоимении «ты», даже если «ты» выступает в аккумулятиве как понятие.

В стихотворении Елены Шварц употребление местоимения «Ты» можно трактовать как нейтрализацию, допускающую двойное прочтение:

*«Из живого вырезала бы тела я –
Сотвори из него мне только Ты
Друга верного, мелкого, белого»*

[Шварц 2002, 95].

С одной стороны, *«сотвори из него мне только Ты»* – это может быть именительный «Ты» (обращение к Богу), но порядок слов допускает некоторое прочтение и как винительный «Ты». Однако в данном случае это прочтение, возможно, не входило в первоначальный замысел автора.

Уже отмеченная конструкция с равноположенными словами у Айги, одно из которых местоимение «ты», существует и в варианте нейтрализации именительного и винительного:

*«как будто ширюсь тем же я-заглядывался:
все так же на стогу
работа рук мученья платья белого:
виденье-ты – как знамя!
горю-и-вижусь и тобой и сам
и чистой рывков о всю-тебя-расширенность»*

[Айги 2006, 156].

«Виденье-ты» идеально совмещает семантику номинатива и аккумулятива (а возможно, и частично развивает семантику генитива). Поэт стремится избежать объектного видения, любого вида объектности в «ты». Семантика эксплицируется далее в тексте словами: *«горю-и-вижусь и тобой и сам»*.

Несклоняемое «Ты» в позиции объекта (принимать Ты) редуцирует значение переходности: *«Мы можем давать и принимать Ты»* [Бубер 1995, 18].

На основании совпадения форм номинатива и аккумулятива, или в философских текстах номинатива и других падежных форм, возможно, удобнее го-

ворить не о несклоняемости, а о сохранении формы и некоторой семантики номинатива.

Семантика номинатива сохраняется и в составе предложных конструкций:

«оно открыто для Ты и ты, оно уже есть я – Ты – ты» [Друскин 2004, 317].

Разница семантики падежей особенно видна в падежных оппозициях: несклоняемое «ты» (редуцирующее значение объекта) противопоставлено склоняемому «к себе самому»: *«Но в отношении к ты и в отношении к себе самому естественная установка поверхностная и несерьезная»* [Друскин 2004, 325].

М.Д. Воейкова изучает внешне похожие конструкции в разговорной речи – пропуск падежных окончаний при сохранении предлогов: «в предложно-падежных конструкциях наблюдается постоянный пропуск падежных окончаний при сохранении предлогов (*завтра с Игорь поговорю...*)». Однако интересно следующее утверждение автора: «падежное маркирование местоимений в большинстве случаев присутствует (*у меня, тебе, с ним*)». Здесь можно предположить, что этот процесс аналогичен процессу, происходившему в романских языках, где сохранялись падежные окончания местоимений, но отмирали падежные окончания существительных. Однако если автор предполагает, что в разговорном русском языке у существительных «это происходит из-за частотности данных сочетаний в речи и из-за того, что частотные конструкции не производятся, а воспроизводятся вместе с предлогом» [Воейкова 2007, 177], то в философских и поэтических текстах в аналогичных конструкциях пропуск падежных окончаний в предложных местоимениях, напротив, значительно частотней, чем у существительных. Некоторую роль в объяснении этого явления играет и концептуализация самой предложной конструкции с «Ты», «о Ты» и т.д., однако эта концептуализация не ведет к нечленности самого сочетания. В отличие от разговорной речи, в описываемых предложных конструкциях семантически нагруженными являются как предлог, так и несклоняемое местоимение по отдельности, так и сам факт несклоняемости в предложной конструкции.

Из приведенных примеров видно, что философские и поэтические тексты реализуют некую потребность в языке в несклоняемости, противопоставленной склоняемости, что свидетельствует о том, что грамматическая склоняемость может мыслиться в философском и поэтическом тексте как подчеркнутая объектность и функциональность.

При всей важности нейтрализации или синкретизма значений конструкций с винительным или родительным падежом, конструкции с трансформацией дательного падежа получают дополнительную семантическую нагрузку в религиозно-философском и поэтическом тексте: *«Единственная прямая речь, возможная и уместная в отношении Святыни, есть речь не о ней, а к ней»* [Франк 1990, 451].

Номинативом подчеркивается абсолютность отношения, а дательным – направленность, обращенность отношения: *«никакого готового “я” вообще не существует... до отношения к “ты”»* [Франк 1990, 348].

Идею «концептуального дательного» падежа в философском тексте можно представить как развитие идеи Мандельштама в «Разговоре о Данте» [Мандельштам 1990, 214]. Мандельштам говорит о некоем идеальном дательном падеже по отношению к поэзии: *«Нас путает синтаксис. Все именные падежи следует заменить указующими направлением дательными... Здесь все вывернуто: существительное является целью, а не подлежащим фразы»* [Мандельштам 1990, 254].

Нельзя трактовать высказывание Мандельштама буквально, но необходимо иметь в виду, что поэт говорит о Данте, т.е. об итальянском языке, в котором категория падежа по отношению к существительному (а Мандельштам говорит именно об имени), если таковая и выделяется, то лишь семантически, а не формально и маркируется именно предлогом (и позицией в предложении), а не флексией.

В нашей теме идеальным дательным падежом будет конструкция «к Ты», подчеркнутая несклоняемостью. Можно утверждать, что семантика дательного, инкорпорированная в синкретическую дательно-номинативную конструкцию с местоимением, еще более выразительно семантизирует ту обращенность, направленность, о которой говорит Мандельштам.

Интересно, что мысль об идеальном дательном падеже находит некоторую поддержку и в истории датива в индоевропейских исследованиях. Так, Семереньи утверждает, что форма «*t(w)-ebhi» содержит постпозитивный элемент «*ebhi» 'на – к': «первоначальным – в предвосхищение развития в романских языках – было, следовательно, значение ad me 'ко мне', ad te 'к тебе', в отличие от чисто дативных [значений]» [Семереньи 2002, 234].

Если попытаться проинтерпретировать высказывание Мандельштама об обращенности дательного падежа применительно к местоимениям, то можно утверждать, что в поэтических и философских текстах конструкция типа «к ты» или «к Ты» потенциально наделена исключительной выразительностью в двух основных грамматических планах: во-первых, благодаря неутрачиваемой семантике падежа концептуализируется обращенность; во-вторых, номинатив вместо дательного подчеркивает онтологическую сущность имени. Возникает обращенное отношение, но это отношение не релятивное, а сущностное: *«Религиозно это легче совершить в ноуменальной любви к ты; в серьезном, а не душевно-чувствительном отношении к ты открывается мне абсолютность этого отношения»* [Друскин 2004, 327]; *«Но и тот, кто презирает Имя и мнит себя безбожным, когда он самоотверженно, всем своим существом обращается к Ты своей жизни, как к Ты, которое не ограничить другими, он обращается к Богу»* [Бубер 1995, 58].

Говоря о значении конструкции типа «к ты» и о синкретизме дательного и именительного, возможно, удобно использовать термин «семантическая роль» дательного падежа.

Поскольку имя Бога священо, то невозможна речь о Боге, а это всегда речь к Богу, т.е. дательный обращенности, направления, а не предложный объекта. Таким образом, в сочетании с «Ты», дательный предпочтительнее: *«Лишь безмолвие, обращенное к Ты... оставляет Ты свободным»* [Бубер 1995, 37].

Интересно, что дательный падеж с местоимением «он» использует не синкретическую несклоняемую, а обычную склоняемую форму: «*оправдано лишь обращение к Нему, но не высказывание о Нем*» [Бубер 1995, 61].

Семантика дательного падежа в конструкциях с несклоняемым «я» в философском тексте может передаваться лексически словом «принадлежность» или «принадлежащее» и не реализовывать тех потенциалов, которые заложены в конструкциях с несклоняемым «ты»: «*его принадлежности только я*», «*сознание, принадлежащее только я*» [Шпет 1994, 81, 85].

Аналогичный описанному механизм выявляется в хотя и менее выразительной, чем с «к Ты», предложной конструкции «о Ты», где предложный падеж, предлог «о», характеризует устремленность авторского «Я», а при этом адресат не превращается в прямой или косвенный объект (сохраняет онтологические черты субъекта):

- «- *Какой же опыт человек получает от Ты?*
 - *Никакого. Ибо Ты не раскрывается о/в? опыте.*
 - *Что же тогда человек узнает о Ты?*
 - *Только все. Ибо он больше не узнает о нем ничего по отдельности»*
 [Бубер 1995, 21].

Каков же грамматический статус несклоняемости «Ты»? Здесь возможны три интерпретации: 1) несклоняемое «Ты» нарушает норму, и является окказиональным употреблением, связанным с эстетической функцией. Это не так. Во-первых, потому, что несклоняемое «Ты» достаточно регулярно появляется у разных авторов, при этом не цитируется от автора к автору, и, что самое главное, не является контекстуально обусловленным, т.е. высказывание «я обращаюсь к Ты» на определенном уровне понятно вне зависимости от контекста; 2) несклоняемое «ты» и «Ты» – полный аналог многократно описанного несклоняемого «Я» [Грамматика 1980]. Это не так, потому что, как было показано, «Ты» и даже «ты» никогда полностью не превращаются в понятие; 3) несклоняемое «ты» и «Ты» связано с особой семантической ролью именительного падежа: «падеж с точки зрения функции является в первую очередь показателем роли имени и лишь вследствие этого – маркером синтаксической зависимости имени» [Плунгян 2003, 167]. Местоимение «Ты», в отличие от «ты», обладает конкретным дейксисом, указывая на Бога, но, как уже говорилось, не превращает Бога в объект высказывания, также как и местоимение «ты» не трансформирует адресата в объект, а абсолютизирует семантику личности, сохраняя при этом свою апеллятивную функцию, т.е. ситуацию обращения и всегда является актуальным или потенциальным участником диалога. «Ты» не теряет полностью местоименных свойств (в частности, свойств дейксиса), указывая на адресата.

Местоименная система в поэтических и философских текстах подводит к необходимости мышления синкретическими падежными значениями. Это относится, прежде всего, к совмещению в предложно-падежной форме несклоняемого местоимения онтологической семантики номинатива и семантики косвенного падежа.

Литература

- Айги 1982 – *Айги Г.*, Отмеченная зима, Париж, 1982.
Айги 2006 – *Айги Г.*, Поля – двойники, М., 2006.
Аронзон 2006 – *Аронзон Л.*, Собрание произведений, Т.1, СПб., 2006.
Бадью 2006 – *Бадью А.*, Этика. Очерк о сознании зла. Пер. В.Е. Лапицкого, СПб., 2006.
Бубер 1995 – *Бубер М.*, Два образа веры, М., 1995.
Буслаев 2006 – *Буслаев Ф.И.*, Историческая грамматика русского языка: Этимология, М., 2006
Винокур 1990 – *Винокур Г.О.*, Я и ты в лирике Баратынского (из этюдов о русском поэтическом языке) // Филологические исследования: Лингвистика и поэтика, М., 1990.
Воейкова 2007 – *Воейкова М.Д.*, Проявление языковой избыточности в области русских падежных противопоставлений (на материале спонтанной речи взрослых и детей с привлечением данных речевой патологии) // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы, М., 2007.
Гин 1996 – *Гин Я.И.*, Проблемы поэтики грамматических категорий. Избранные работы, СПб., 1996.
Грамматика 1980 – *Русская грамматика*, Т.1, М., 1980.
Давыдов 2006 – *Давыдов Д.*, Сегодня, нет, вчера: Четвертая книга стихов, М., 2006.
Друскин 2000 – *Друскин Я.*, Сборище друзей оставленных судьбою..., Т.1, М., 2000.
Друскин 2004 – *Друскин Я.*, Лестница Иакова, СПб., 2004.
Ковтунова И.И. «Категория лица в языке поэзии» // Поэтическая грамматика. Отв. ред. Красильникова Е.В., М., 2005.
Кронгауз 2005 – *Кронгауз М.А.*, Семантика, М., 2005.
Мандельштам 1990 – *Мандельштам О.Э.*, Сочинения, в 2 т., Т.2, М., 1990.
Мотрошилова 2006 – *Мотрошилова Н.В.*, Мыслители России и философия Запада (В.Соловьев, Н.Бердяев, С.Франк, Л.Шестов), М., 2006.
Плунгян 2003 – *Плунгян В.А.*, Общая морфология: Введение в проблематику, М., 2003.
Сапгир 1999 – *Сапгир Г.*, Стихи и поэмы. В четырех томах. Т.2, М., 1999.
Седакова 2001 – *Седакова О.А.*, Путешествие волхвов. Избранное, М., 2001.
Семереньи 2002 – *Семереньи О.*, Введение в сравнительное языкознание, М., 2002.
Франк 1990 – *Франк С.Л.*, Сочинения, М., 1990.
Шварц 2002 – *Шварц Е.*, Сочинения, Т.2, СПб., 2002.
Шпет 1994 – *Шпет Г.Г.*, Философские этюды, М., 1994.